

Вновь обретенный взгляд упёрся в белоснежные, подобные лёгкой дымке слоистые занавеси.

Медленно прояснявшиеся глаза постепенно наполнялись прежним блеском и мягким сиянием.

Когда зажглись тусклые, затуманенные огоньки светильников, блуждающее сознание У Сюня медленно выплыло из глубин ледяного, холодного озера.

По мере возвращения пяти чувств в голове всё ещё стоял гул, словно её ворошили иглами, ощущались сплошная тяжесть и колющая боль. А смутное, ноющее чувство в костях и вовсе невозможно было прогнать.

По ту сторону мягкого ложа висело множество пологов, кругом мерцал ровный свет свечей. Одеяло на его теле было тщательно подоткнуто — очевидно, кто-то заботливо ухаживал за ним.

Опираясь руками на резную кровать, украшенную золотом и вышитую пурпуром, юноша с трудом приподнялся и кое-как встал на ноги.

Роскошно убранный дворец был совершенно пуст. Курильница с золотой вязью безмолвно источала аромат, поднимая ввысь кольца сизого дыма и волны дивного благовония. Посреди главного зала находился небольшой пруд: сейчас облака рассеялись и ветер стих, отчего водная гладь была чиста и прозрачна, словно зеркало.

Среди ароматов трав У Сюнь заворуженно смотрел на собственное отражение в воде.

Волосы собраны лентой, рукава из узорчатого шелка. Сшитые по фигуре богатые одежды были густо вышиты облачными узорами. Благородный облик, особенно выразительные, чистые и одухотворенные черты лица напоминали глубокий омут; во взгляде хоть и таилась сдержанная, глубокая властность, не было ни капли высокомерной заносчивости.

Прядь растрепавшихся у виска волос упала на щеку, лениво колыхаясь и прикрывая его чуть бледное личико.

У Сюнь легко потеревил эту прядь, и на сердце у него стало тревожно и тоскливо.

Это не королевский дворец, и здешние покои ему не принадлежат, так почему же он... проснулся здесь?

Пройдя между письменным столом и жаровней, У Сюнь с мрачным видом окинул взглядом местную обстановку.

Бесчисленные фолианты и величественные, великолепные росписи на стенах позволили ему быстро догадаться, кому принадлежит это место.

В Да-Ву был лишь один такой человек.

Маркиз Хуань, У Хуань. Родной младший брат его венценосного отца, его собственный Королевский Дядя.

Он с детства рос в Городе Ву, в то время как этот Королевский Дядя издавна жил уединенно в Фэнцзюне и ни разу за всю жизнь не ступал в Город Ву. И хотя он был наслышан о нем, увидеться им так и не довелось, а отец и вовсе никогда о нем не упоминал.

До того самого дня...

Осколки воспоминаний сложились воедино, и в его глазах внезапно промелькнуло видение.

Время повернулось вспять на три дня назад.

— Отец.

В кабинете У Сюнь отвесил почтительный поклон, после чего сложил руки на коленях и чинно опустил на пол, поджав под себя ноги.

Прядь волос, закрепленная нефритовой бусиной, свисала с его левого виска, покачиваясь на легком ветерке. Несколько сановников ожидали неподалеку, и когда их взгляды сошлись на нем, в них отчетливо читалось благоговение.

Ибо это был символ царственного рода У!

За столом из сандалового дерева неподвижно восседала величественная фигура в ярко-желтых одеждах.

В этот момент он просматривал сложенную стопкой стопку бамбуковых планок. Аккуратный почерк подростка четко отпечатался на его зрачках, отчего его глубокий, внушающий трепет взгляд мгновенно смягчился.

— Хорошо, — после недолгой проверки У-ван слегка кивнул и с некоторым облегчением отложил свиток. — Похоже, в последнее время ты усердно занимался в кабинети.

У Сюнь, который до этого сидел как на иголках, сразу же почувствовал себя свободнее.

— Поздравляю Ванна, поздравляю Ваше Высочество, — наперебой захвалили министры.

— Ступайте все пока, — У-ван махнул рукой, призывая их удалиться, а в его глазах стало чуть

меньше суровой холодности — настроение явно было прекрасным.

— Сюнь-эр, иди сюда, к отцу.

Отослав остальных, У-ван мягко улыбнулся и ласково позвал стоявшего перед ним мальчика.

У Сюнь торопливо поднялся, сделал несколько быстрых шагов и бросился прямо к отцу, восседающему на главном месте. Коснувшись коленями пола, он снова устроился рядом с ним.

— Сюнь-эр, ты отлично справился, — У-ван прижал мальчика к груди и оценивающе взглянул на него. — Кажется... ты снова подрост? Если так пойдет и дальше, боюсь, отец скоро перестанет тебя поднимать.

В силу своего положения он был обречен нечасто разделять с младшим сыном подобные радости простой семьи, но сейчас, в редкий час досуга, он не хотел упускать ни мгновения.

Он возлагал на У Сюня слишком большие, тяжелые надежды, и хотя порой бывал с ним строг и требователен, в душе безмерно баловал.

У Сюнь немного помялся, затем украдкой ухватился за рукав У-вана и взмолился:

— Отец, неужели ты не наградишь Сюнь-эра?

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся У-ван. Погладив бороду, он посмотрел на мальчика полным нежности взглядом: — Тогда жалую тебе день отдыха после полудня, идет?

— ... — У Сюнь поджал губы и с легким разочарованием прижался обратно к отцу.

— Кхе... кхе-кхе.

В этот момент сидевший рядом отец внезапно тихо закашлялся.

— Отец? — обеспокоенно позвал У Сюнь.

— Пустяки, — У-ван приложил руку ко лбу и слегка нахмурился. — Наверное, в последние дни государственные дела были слишком утомительны.

Смягчив выражение лица, он перевел теплый взгляд на сына:

— Сюнь-эр, тебе ведь в этом году исполняется тринадцать?

— Угу, — тихо отозвался У Сюнь.

— Тринадцать лет...

Словно коснувшись самой болезненной раны в сердце, У-ван закрыл глаза, и весь его облик мгновенно поблек.

У Сюнь молча смотрел на промелькнувшую в глазах отца скорбь, и его собственный настрой неизбежно помрачнел.

Он был единственным ребенком родившимся после восшествия отца на престол, но в год его рождения царица скончалась родами. Все тринадцать лет отец носил эту глубокую боль в сердце и в знак вечной памяти так и не взял другую жену.

Немного совладав с чувствами, У-ван собрался с духом, словно принимая какое-то решение. Под любопытным взглядом У Сюня он достал из ящика под столом перевязанный свиток.

Свиток был бледно-желтого цвета, изготовленный из тончайшего шелка.

Глядя на свиток в руке, У-ван сменил прежний мягкий взгляд на внезапную суровость:

— Отец позвал тебя сегодня не столько ради проверки учебы, сколько для того, чтобы ты взглянул на... это!

У Сюнь с любопытством смотрел на серьезный вид отца, гадая про себя, что же это такое.

Под взглядом подростка У-ван взмахнул широким рукавом и медленно развернул свиток.

Пока длинный свиток разворачивался по столу, в глаза сразу бросились страницы, источающие золотое сияние. Выписанные на них иероглифы имели темно-красный оттенок, словно написанные свежей кровью, отчего зрелище было потрясающим и пугающим.

— Сюнь-эр, прочти-ка вслух, а отец побудет с тобой.

Опустив брови и на мгновение умолкнув, юноша принял свиток, перевел взгляд на правую колонку в начале полотна и громко зачитал высеченные на нем слова.

— Будучи владыкой в этом мире, должно сиять подобно солнцу и луне, пребывать в согласии с четырьмя сезонами, прославлять культуру и ценить добродетель, усмирять и упорядочивать державу; вверху — предотвращать угрозы небесного крушения, посередине — совершенствовать святую и светлую добродетель, внизу — спасти бедных и страждущих от

бедствий...

— Однако людские сердца несправедливы, смуты и хаос трудно искоренить; словно гигантские киты, что взбаламучивают мир, злонамеренность очевидна. Правители утратили добродетель, похитили регалии власти, а потому мир потерял свой порядок, а годы — свою упорядоченность. Из-за этого внезапно вспыхнули междоусобицы, и кровь с пламенем заполнили небеса. Простой люд страдает в огне, Поднебесная пылает...

Голос У Сюня внезапно оборвался. Он поднял голову на суровое, словно изморозь, лицо отца, и в его глазах отразился испуг вперемешку с недоумением:

— Отец, что это такое?

— Сюнь-эр, читай дальше, — У-ван снова молча прижал его к себе, не меняя выражения лица.

У Сюню оставалось лишь взять себя в руки и, с дрожащими губами, вновь уставиться на следующий столбец иероглифов.

— ...Сто тысяч жизней в скорби и слезах, Девять Областей содрогаются. Небесный Путь полон милосердия, дабы следовать воле мириад людей и отвечать чаяниям человеческих сердец...

— ...В Диких Землях Девяти Небес божественный свет защищает мир, Священный Пик возвышается над облаками, вечно оберегая небо и землю. Назначены Девять Посланников, несущих волю Небес. Сокрушить несправедливые Регалии Власти, покарать преступные роды, заслуживающие мириады смертей; низвергнуть злодеев в пучину смерти, спасти мириады жизней от бедствий; угасить пламя войны во всех четырех морях, взять на себя тяжкую ношу поддержания порядка; даровать прощение царям, одарить подданных миром и спокойствием...

У Сюнь с дрожащими руками держал полностью развернутый древний свиток, и эти написанные размашистым почерком слова, сочащиеся золотым сиянием, запечатлелись в его детских зрачках, оставив неизгладимый след в душе.

— ...Добродетель озаряет долгие века, подвиги сияют на небесах. Девять Областей обращаются сердцами к истине, правители воздают должное добродетели. Почтительно повинуюсь божественным повелениям, неукоснительно следуя небесному порядку. Скрепляем клятву кровью, складываем оружие и прекращаем войны...

По мере того как чтение продолжалось, его душа, казалось, погружалась в бездонную, не имеющую конца пропасть.

— ...Если же появится злодей подобный гигантскому киту, должно сообща обрушиться на него, пресечь беду в зародыше, мгновенно уничтожить ересь, поддерживая мировой порядок и управляя им...

У Сюнь на полсекунды замолк, легонько откинул прядку волос у щеки и под пристальным взглядом У-вана, глядя твердым и решительным взором, произнес последние веские слова:

— Девять Пределов тому свидетели, Фаньтянь тому порука: преступивших клятву грешников небеса и люди покарают вместе!

Чтение У Сюня наконец умолкло, но казавшееся исполненным какого-то таинственного смысла эхо все еще витало в воздухе, не рассеиваясь, окутывая тихий сумрачный зал легкой тенью.

— Стук-стук! Стук-стук!

Это было неукротимое, учащенное сердцебиение юноши, а на его лбу уже выступил слой мелких капель пота.

Когда он читал начертанные на свитке слова, ему почему-то казалось, будто чья-то гигантская рука протянулась с небес и намертво вцепилась в его душу и дух, отчего его мысли замерли в оцепенении, едва не приводя к удушью.

— У неба есть Девять Пределов, у земли — Девять Областей, — властный голос У-вана разрушил тягостную, мертвую тишину в зале. — Разве отец не говорил тебе об этом?

— Да... — У Сюнь крепко закусил губу, с ног до головы покрытый холодным потом, а в глазах его царил полный туман.

— Цари делят земли на уделы, разделяя между собой Девять Областей, их власть безгранична, а положение выше всех живых существ. Но...

Взгляд У-вана медленно поднялся вверх, устремляясь к глубокому и темному своду залы. — Выше человеческих царств есть Небесный Путь!

— Небесный Путь? — дрожащим шепотом переспросил У Сюнь.

— Да, — торжественно произнес У-ван. — Небесный Путь благоволит миру, наблюдая за людьми. Правители принимают его волю, дабы поддерживать порядок. И как повествуется в этой Кровавой Клятве Царей, Небесный Путь, преисполненный милосердия и сострадания к миру, избрал Девять Посланников, даровав им несравненную божественную силу Девяти Пределов. Им было велено искоренять бедствия и устранять напасти, изымать Регалии Власти, наводить порядок в законах и возвращать мир и покой в четыре моря.

— Регалии Власти? — с удивлением переспросил У Сюнь. — Что это такое?

— Регалии Власти рождаются в мире и рассеяны по четырем морям и Девяти Областям, они

обладают способностью сокрушать горы и стирать с лица земли моря, переворачивать небо и землю. Тот, кто ими владеет, может управлять Поднебесной и возвышаться над смертными. В былые времена пламя войн вспыхивало внезапно, и целые государства падали именно из-за этого, — вздохнул У-ван.

— ... — У Сюнь медленно выдохнул, потрясенный до глубины души: — Отец, а куда же делись эти изъятые Регалии Власти?

Лицо У-вана внезапно помрачнело, но на этот раз он не ответил.

— У них свой путь, — его взгляд снова обратился к источающему золотое сияние бумажному свитку, который он свернул и убрал, словно избегая чего-то. — Когда Регалии Власти «обрели свои законные места», Девять Посланников приказали правителям собраться в Древнем Городе Фаньтянь, чтобы вместе утвердить эту Кровавую Клятву Царей и знаменитую каменную стелу со словами: «Тех, кто соблюдает договор, ждет покой; тех, кто преступит клятву — смерть».

У-ван глубоко посмотрел на растерянного юношу:

— И предки нашего царственного рода Да-Ву, разумеется, были одними из тех правителей.

— Ныне Девять Посланников правят миром, патрулируя Девять Областей. Они судят царей, казнят злодеев и искореняют грехи. Благодаря этому в нынешнем веке воцарились чистота и ясность, а также долгосрочный мир и стабильность. Поистине, их величайшие заслуги не имеют равных в подлунном мире.

— Нарушение этой кровавой клятвы — главное табу нынешней эпохи, — У-ван медленно закрыл глаза, и его слова звучали весомее тысяч цзиней. — Я, У Хэн, являюсь У-ваном, а ты — моим сыном. В будущем, унаследовав престол, ты тоже станешь одним из царей этого мира. И хотя внутренними делами государств управляют сами правители, великие дела Поднебесной находятся под контролем Девяти Посланников.

— Внутри государств бурлят скрытые течения, цари плетут интриги за спинами друг друга. Девять Посланников еще могут стерпеть это, делая вид, будто ничего не замечают. Но если кто-то начнет бесчинствовать с оружием в руках, нарушит клятву, предастся жестокости и тирании либо станет угнетать простой народ, то зачинщики и главные злодеи неминуемо понесут суровую кару!

У Сюнь закусил губу, сквозь мерцание свечей вглядываясь в фигуру отца, которая казалась суровой лишь напускно, а на деле была полна скрытой тревоги.

Помолчав долгое время, он тихо кивнул:

— Сюнь-эр понял.

<http://bllate.org/book/21202/2146041>